

Отчаяние как нравственная категория: от Достоевского до Набокова и Сартра

Петрухина Наталья Михайловна

профессор кафедры русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков
Доктор филологических наук (DSc)

Despair as a Moral Category: From Dostoevsky to Nabokov and Sartre

Petruхина Natalja Mixailovna

Professor, Department of Russian Literature and Teaching Methods
Uzbek State University of World Languages
Doctor of Philological Sciences (DSc)

ABSTRACT

Статья посвящена анализу категории «этика отчаяния» как особой нравственной концепции, утверждающей возможность морального выбора и ответственности в условиях утраты традиционных смыслов, веры и надежды. Автор рассматривает двойственную природу отчаяния в философии и литературе, выявляя его роль как предельного состояния, способного привести к внутреннему преображению личности или к разрушению. На материале произведений Ф. Достоевского, С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, В. Набокова и А. Битова исследуются различные модели этического опыта отчаявшегося человека, где отчаяние выступает как форма нравственного осмысления, катарсиса и духовного самопознания. Особое внимание уделяется соотношению отчаяния с нравственностью, страданием, раскаянием и верой, а также литературным стратегиям, через которые писатели воплощают внутреннюю борьбу личности в предельных условиях.

ARTICLE INFO

Received: 8th September 2025

Accepted: 7th October 2025

KEY WORDS:

отчаяние,
нравственность,
философия, страдание,
пороговое пространство

Abstract

The article is devoted to the analysis of the category of "ethics of despair" as a specific moral concept, which asserts the possibility of moral choice and responsibility under conditions of the loss of traditional meanings, faith, and hope. The author examines the dual nature of despair in philosophy and literature, revealing its role as an extreme state capable of leading either to inner transformation of the individual or to destruction. Based on the works of F. Dostoevsky, S. Kierkegaard, J.-P. Sartre, V. Nabokov, and A. Bitov, various models of the ethical experience of a despairing person are explored, where despair functions as a form of moral reflection,

catharsis, and spiritual self-knowledge. Special attention is given to the relationship between despair and morality, suffering, repentance, and faith, as well as to literary strategies through which writers portray the inner struggle of a person in extreme conditions.

Keywords

despair, morality, philosophy, suffering, threshold space

Введение. Этика отчаяния как нравственная концепция, утверждает возможность морального выбора и ответственности в ситуации утраты традиционных смыслов, веры и надежды. Она основана на принятии предельного опыта бессмысленности и на внутреннем усилии сохранить человечность без внешней поддержки. Принято считать, что этическая жизнь человека основана на нравственности его мировоззрения. Но когда нравственность как система положительных понятий или состояний – таких, как вера, любовь, свобода, рушится (Бог, метафизика, идеалы), возникает кризис смысла - отчаяние. Этика отчаяния рождается не как отрицание нравственности, а как её внутреннее преодоление в условиях утраты опор.

Подобную двойственность в истолковании отчаяния мы можем наблюдать в творчестве Ф.Достоевского.

Анализ литературы. Этика отчаяния выстраивается у Ф.Достоевского в ракурсе его философии «абсолютного добра и абсолютного зла». Но несмотря на то, что отчаяние мыслится им как «грех», как один из вариантов основного нравственного зла себялюбия, тем не менее именно отчаяние провоцирует катарсическое состояние (это всегда страдание), пребывая в котором человек обретает способность к раскаянию мыслимому как путь к преодолению основного нравственного зла себялюбия. Н. Лосский, анализируя Ф. Достоевского, видел в его трактовке отчаяния «высокий целительный смысл» так, как естественное возмездие за нравственное зло есть всегда вместе с тем и средство исцеления от него» (с.386).

Кроме того, Н. Лосский отмечает, что «человек, столь чуткий к злу и столь добрый, как Достоевский, приходил в отчаяние от «подполья», найденного им в своей душе и в душе других людей» (С.47). И в поисках некоей очистительной силы, способной осуществить переход от зла к добру, от преступления, через страдание и отчаяние к наказанию.

Ф.Достоевский обращается к отчаянию, как пограничному состоянию между страданием и раскаянием человека, в котором произошел распад души, заглушивший в себе голос Бога. Наиболее ярко отразилось понимание отчаяния как грани, с которой начинается преображение души и очищение от зла в «Записках из подполья»

«Подполье» - это «пороговое» пространство, пограничье зла и добра, смыкающее в себе отчаяние – полуверу, как потерю высшего смысла жизни и веру в возможность обретения иной разумной цели своего существования на земле. И именно в предчувствии раскаяния как очищения от внутреннего нравственного зла и придает наслаждение отчаянию.

Результаты исследования. В романе «Братья Карамазовы» двойственная природа отчаяния определяет и двойственность пути – если Дмитрий Карамазов воплощает отчаяние, возникающее в результате угрызений совести, приводит к внутриличностному перевороту, именуемому раскаянием, которое сопровождается глубокими страданиями, разрешающимися духовным воскресением и перерождением личности, то Смердякова оно приводит к самоубийству, а это мыслится как высшее, конечное проявление «абсолютного зла» - отрешение от Бога.

Серена Кьеркегор считает, что отчаяние – это путь к очищению, к вере, к обретению себя как существа абсолютного, но при этом это путь к смерти. Кроме того, отчаяние по Кьеркегору, это не только этическое, но и глубоко нравственное чувство, поскольку раскрывает внутреннюю духовную природу человека: «Предайся отчаянию и легкомыслие уже не сможет довести тебя до того, чтобы ты стал бродить как не находящий себе покоя дух среди развалин потерянного для него мира; предайся отчаянию, и мир приобретет в твоих глазах новую прелесть и красоту, твой дух не будет более изнывать в оковах меланхолии и воспарит в мир вечной свободы»[С. 47]. Хотя сам философ считает,

что отчаяние не приводит к высшему уровню развития человека, а лишь к осознанию религиозного значения своей личности.

В литературе XX века отчаяние как одно из важных психологических состояний человека, определяет возможность обретения существования в духовном бытии или небытии. Для Сартра, например, (в этике отчаяния отразилась и концепция Достоевского и Кьеркегора) отчаяние – это признак не столько «бытия – в – себе» (экзистенциальный термин), сколько вообще на двойников реальность видимой, внешней жизни. Ведь не случайно Рокантен, герой романа «Тошнота», мучающийся в поисках своего пространства бытия, став перед проблемой спасения Анни, говорит: «...что я могу ей сказать? Разве я знаю причины, побуждающие жить? В отличии от нее я не впадаю в отчаяние, потому что я ничего особенного не ждал. Я скорее...удивленно стою перед жизнью, которая дана мне ни для чего» (б.С.231). Отчаяние, по Сартру, признак жизни, бытия во вне, а не только в себе, а поскольку это путь к духовности, к обретению смысла своей жизни – это способ преодоления «темноты» жизни.

Несколько иной «этика отчаяния» существует в прозе В.Набокова, у которого отчаяние ведет к дискретности микромиров «Я» человека, к потере цельности, и как следствие расщепление личности. И если у Сартра синтагма «отчаяние – страдание» - путь к жизни, то у Набокова синтагма иная – «сомнение - отчаяние» и это путь к духовной смерти. В романе «Отчаяние», герой, пребывая в состоянии сомнения, начинает испытывать влечение к «идеальному» преступлению, лишь в нем видя возможность избавления от гнетущего его страдания сомнением-отчаянием от существования в мире подобного ему двойника (Феликса). «Да, я усомнился во всем, усомнился в главном, - и понял, что весь большой остаток жизни будет посвящен одной лишь бесплодной борьбе с этим сомнением, и я улыбнулся улыбкой смертника и тупым кричащим от боли карандашом быстро и твердо написал на первой странице слово «Отчаяние» - лучшего заглавия не сыскать» [5, С.303]. Пространство жизни для Набокова заключено в пространстве романа, смысл которого сам герой определяет словом «отчаяние», чем определяет внутреннее состояние «смертника». Однако «отчаяние» не есть отрицательное качество «я». Не случайно, В. Ерофеев замечает, что «здесь, в отрицании, на дне Набоков достигает страсти «подпольного человека» Достоевского, и вопль набоковского повествователя, послушника своего рационалистического «я», не приглушен никаким «эстетизмом», не тонет в «стиле»[2, С.113]. И все-таки важное добавление: «несмотря на мое отчаяние, я по природе своей не уныл и не зол». Повествователь «Отчаяния» не допускает прямой связи между злобой и метафизическим отрицанием». Отчаяние по Набокову не является злом и всеобщим отрицанием жизни, хотя и приводит к смерти, - оно является чувством одинокого человека, погруженного в свое «эго», раздвоенного и опустошенного – оно порождает эгоистическое восприятие своего «я» как единственности в мире. Подобную систему психологических соответствий мы наблюдаем в романе А.Битова «Улетающий Монахов». Эгоизм, присущий Алексею Монахову, порождает опыт внутренней пустоты и одиночества и приводит к тому, что и остатки чувств теряются, исчезают в состоянии «нелюбви» (порожденной эгоизмом и порождающей отчаяние), превращаются в остатки былого. Мальчик, безумно влюбленный в Асю, в юности способный испытывать лишь подобие любви, к зрелости утрачивает и эти остатки чувства, а потом и вообще перестает понимать любовь, приобретя жуткий опыт нелюбви ко всему – к миру, к женщине, к будущему сыну, к родителям. «И ему хотелось плакать – знал бы он, что над утратой своей любви. Он это понимал, однако, так что как же он все-таки любит и как нечего с этим делать, как и ничего не поделывать, и какое же это глубокое и нетребовательное отчаяние – любовь. Оттого казалось ему это отчаяние – прекрасным. Господи, каким же я стал черствым! ...- сетовал он на себя в этой связи»[1, С.68].

Для Битова, как и для Сартра, отчаяние определяется страданием, но синтагматический ряд иной – «отчаяние – любовь – вера». Отчаяние, в принципе, может быть испытываемо любым человеком, даже с высокой духовностью, но в Монахове оно приобретает вселенские размеры, заполняя все пространство жизни (как и для набоковского Германа), переходя к отчаянию от жизни, когда уже и любовь воспринимается как форма отчаяния, но которая оценивается Битовым одновременно и как единственная возможность прорыва к Богу, и через это – обретение Веры.

Заключение. В этом плане А. Битов ближе всего подошел к «этике отчаяния» Кьеркегора. «Диалектика греха» (противоположностью греха он считает веру) Кьеркегором мыслится как

своеобразная этика веры, основным принципом которой является определение Бога как источника доброты и любви в мире, исходя из этого под нравственностью понимается Кьеркегором как «отчаяние-слабость», которое и порождает желание избавиться от собственного «я», при этом обрести другое нереальное, то, что называется ролью.

Список литературы

1. Битов, А. Собрание сочинений. В 3 т. Т 1 / А. Битов. – М. : Мол. гвардия, 1991.
2. Ерофеев В. Набоков и Достоевский – эссе из сборника «Русская литература конца XX века» Москва, 199).
3. Кьеркегор С. «Или – Или. Фрагмент из жизни» (пер. Н. И. Мосешвили). - М.: Республика, 1993.
4. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. – Париж: YMCA-Press, 1953
5. Набоков В. Отчаяние. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. – М.: Правда, 1990.
6. Сартр Ж.-П. Тошнота. – М.: АСТ, 2002.
7. Петрухина Н. М., Родина И. В. Современные реалии иноэтнокультурного пространства в контексте научно-образовательной стратегии литературного образования в вузах Узбекистана //Открытие Русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве. – 2020. – С. 99-103.
8. Петрухина Н. М. Рецептивное поле ФМ Достоевского в мировом литературном процессе XX века //Rhema. Рема. – 2015. – №. 1. – С. 17-27.